

ЧИТАЙТЕ В СЕРИИ

- Алиса Лунина «Новое счастье для барышень»
Алиса Лунина «Под крылом Ангела»
Алиса Лунина «Такси «Новогоднее»
Юлия Климова «Снежное сердце»
Татьяна Тронина «Принц в подарок»
Алина Кускова «Ах, эта волшебная ночь!»
Алина Кускова «С Новым годом! С новым гадом!»
Алиса Лунина «Рояль под елкой»
Юлия Набокова «Деда Мороза вызывали?»
Юлия Климова «Теплая снежинка»
Галина Куликова «Каникулы
для взрослых»
Олег Рой «Мужчина в окне напротив»
Алиса Лунина «Новогодний рейс»
Олег Рой «Рождество, или Пасынки судьбы»
Татьяна Веденская «Неотразимая,
или Основы женского шарма»
Ольга Арсентьева «Серенада новогодней ночи»
Ольга Арсентьева «Влюблённый Дед Мороз»
Юлия Климова «Снежное сердце»
Татьяна Тронина «Принц в подарок»
Алина Кускова «Ах, эта волшебная ночь!»
Алина Кускова «С Новым годом! С новым гадом!»
Алина Кускова «Катилось колечко на снежное крылечко»
Юлия Набокова «Деда Мороза вызывали?»
Маргарита Южина «Дед Мороз для одинокой
Снегурочки»
Наталья Осис «Начальник Нового года»
Алина Кускова «Вам хорошо. прекрасная маркиза?»

Алина Кускова

**ВАМ ХОРОШО,
ПРЕКРАСНАЯ
МАРКИЗА?**

ЭКСМО
Москва
2014

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К 94

Художественное оформление серии
А. Марычева

Кускова, Алина.

К 94 Вам хорошо, прекрасная маркиза? : [роман] /
Алина Кускова. – Москва : Эксмо, 2014. – 288 с. –
(Новогодняя комедия).

ISBN 978-5-699-76672-7

Старый актер Заславский и молодой костюмер Катя подписали договор, по которому новогоднюю ночь они обязались провести в поместье богача Давыдова. Катерина должна изображать перед гостями его жену, а Заславский – ее отца. Старый актер быстро прикинулся маркизом и начал чудить в свое удовольствие. Кате повезло меньше – она... влюбилась в Давыдова! Целоваться и обниматься на публику с лжемужем оказалось безумно приятно. Но ведь контракт скоро закончится – и, ничего не поделаешь, с прекрасным Давыдовым придется расстаться. Неужели новогодняя ночь не припасла для влюбленной Кати сказочного сюрприза?

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Кускова А., 2014

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо»,
2014

ISBN 978-5-699-76672-7

Глава 1

ВСЕ ХОРОШО, ПРЕКРАСНАЯ МАРКИЗА, ДЕЛА ИДУТ И ЖИЗНЬ ЛЕГКА

В декабре в театре всегда витал запах мандаринов. По утрам проводили новогодние утренники, на которых детям в театральном фойе, где установили огромную наряженную елку, упирающуюся макушкой в потолок, вручали подарки. Они, возбужденные и восторженные, тут же на месте разрывали красочные упаковки и, как саранча, поедали сладости и фрукты. А потом, довольные, сидели на спектакле и хлопали в ладоши. И это создавало необыкновенно праздничную атмосферу, одновременно уютную и торжественную.

Я пробиралась к Заславскому, чтобы позвать его на последнюю примерку фрака, в котором он должен был играть вечерний спектакль. На встречу бежала толпа дошкольников. С криками:

— Не так! Не так! Ты пел неправильно про елочку!

— Плохой Дед Мороз!

— Он ненастоящий!

Впереди детей бежал запыхавшийся Заславский, поддерживая полы длиной красной шубы. Я поняла, что он по традиции переврал слова известных детских песен, за что ему досталось от ушлой ребятни. Да, у нас замечательные артисты в театре! Ну есть у них свои маленькие слабости. Пожилого актера подводила память. Но на взрослых постановках он всегда выкручивался, заменяя забытые фразы на схожие реплики из разных спектаклей и фильмов. С детскими так не получалось, за что Заславский и получал. Я встала впереди бегущей на меня детворы и заслонила от них артиста. Пока за углом он отдыхался, я сказала детям, что настоящий Дед Мороз только что зашел в зрительный зал. И они дружно побежали туда.

Заславский поблагодарил меня и поклялся, что это был последний спектакль в его жизни.

А вечером состоялась демонстрация на сцене первого сшитого мною фрака. Ну почти только одной мной. Ведь я тоже много сделала, чтобы он появился на Заславском.

— Лорд Гринворд, что с вами?

— Леди Риана, я болен!

— Ах, лорд Гринворд, насколько серьезен ваш недуг?!

— Леди Риана, он разбил мне сердце! Парализовал душу, атрофировал мозги.

Бум-с! И лорд Гринворд припадает на колено, одной рукой держась за сердце, а вторую протягивая леди Риане. Я вздрагиваю, вспоминая, как в прошлый раз Заславского прихватил радикулит и пришлось вызывать «Скорую помощь».

— «Я старый солдат и не знаю слов любви»...

Фраза из другого спектакля — Брэндона Томаса «Тетка Чарлея».

О! Только этого не хватало! Заславский снова забыл текст и занялся самодеятельностью. Привычка цитировать фразы из известных кинофильмов и спектаклей скоро выйдет ему боком. Режиссер его убьет. Нет, скорее, уволит, что грозился сделать пару дней назад. И кому будет нужен шестидесятилетний артист, умеющий только паясничать на сцене? Мне искренне жаль Заславского, хоть артист он средний, но человек-то хороший.

— Катерина, вот ты где...

Ко мне за кулисы подплыла Ванда Вольфовна с неизменной сигаретой в зубах. Сигарета ненастоящая, эрзац, моя руководительница и по совместительству главная костюмерша театра в который раз бросала курить.

— «Я старый солдат и не знаю слов любви»...

Его что, заклинило?!

— Старый дурак, — ехидно бросила Заславскому на сцену Ванда Вольфовна и улыбнулась. Сигарета при этом грозила вывалиться, но чудом удержалась в ее желтых зубах.

— Старый дурак, — повторил за ней Заславский и повернулся в нашу сторону.

Ванда Вольфовна знала реплики наизусть. Ее покойный муж, которого я в живых не застала, подрабатывал написанием сценариев. И этот спектакль о неземной любви старого лорда и пожилой леди сочинил именно он.

— Я старый дурак, — ехидничала Ванда Вольфовна, оттягивая подсказку.

— Я старый дурак, — покорно повторил Заславский, понимая, что угодил в ловушку.

— «И готов бросить к вашим очаровательным ножкам весь мир», — процитировала, смягчаясь, Ванда.

— Я готов забросить весь мир...

Заславский в своем репертуаре! Опустил пару слов, и фраза приобрела совершенно иной смысл.

— Ноблесс оближ, леди Риана. Перевожу — благородство обязывает.

— Вы весьма благородны, лорд Гринворд...

— Катерина, пойдем!

— Еще немного, Ванда Вольфовна! Еще чуть-чуть, — прошу я.

Нет, не из-за Заславского, безбожно перевирающего дальше текст, я хотела задержаться за кулисами. Тот, на кого я время от времени поглядывала, сидел в первом ряду зрительного зала и не сводил со сцены глаз. Серых, стальных, пронзительных. По большому счету, этого парня красавцем назвать можно было с большой натяжкой. Но что-то особенное и демоническое в нем явно присутствовало. Я заметила, что приходил он третий вечер подряд и неотрывно смотрел на актеров. Завзятый театрал? Вряд ли. Нормальный человек не пойдет третий раз на одну и ту же дурацкую постановку. Тем более что перед Новым годом полно премьер! Ох, извините меня, Ванда Вольфовна, но ваш муж шедевры явно не писал. Парень влюбился? Но в кого? В леди Риану? Ей тоже под шестьдесят. Ну не в Заславского же, в самом деле! Хотя между репликами леди Рианы и лорда Гринворда, появлялась смазливая горничная. Но я в третий раз внимательно наблюдала за реакцией сероглазого парня. Нет, не ради нее он здесь сидел.

— Катерина, пош-ш-ш-ли, — зашипела позади меня Ванда Вольфовна и потянула за блузку.

Я любила торчать за кулисами и наблюдать не за игрой актеров, а за тем, как на них смотрят мои костюмы. Вообще-то я хорошо шью. Крою тоже сама. Всему этому меня научила бабушка, проработавшая всю сознательную жизнь

в ателье женской одежды. Мама науку кройки и шитья постигать не стала, она работала экономистом, но всю жизнь мечтала о сцене. Благодаря ее связям я попала в этот театр. Благодаря Ванде я попала не на сцену в качестве статистки, а в пошивочный цех. Конечно, про цех это я слишком громко сказала. Мы обитали в двух больших комнатах, одна из которых была гардеробной, забитой сценическими костюмами.

Кинув последний взгляд на сероглазого, мучимая догадкой, что же ему на самом деле нужно в нашем средненьком театре, я пошла следом за Вандой. Мне предстояло отгладить костюмы к следующему выступлению. На этот раз на сцене собиралась блеснуть красотой и изяществом форм наша прима. Но не о ней речь.

Если кто-то подумал, что я завидовала ее красоте, то ошибся. Безусловно, я не являла собой образец Музы Микеланджело или красотку Мэрилин Монро, но определенный шарм у меня был. В результате чего к двадцати восьми годам у меня в наличии имелось дважды разбитое сердце, один вялотекущий роман и масса надежд на светлое будущее.

Гримерка Заславского по иронии судьбы располагалась как раз напротив нашего пристанища. Профессионально орудуя утюгом, через полчаса я услышала его зычный бас, от которого дребезжали тонкие стенные перегородки:

ВАМ ХОРОШО, ПРЕКРАСНАЯ МАРКИЗА?

— Пшел к черту, Богомольцев! Умри, несчастный! Я все сказал.

Хлопнула дверь, погас свет... У нас всегда гас свет, когда кто-то хлопал дверь. Я не понимала связи между этими двумя явлениями, но она определенно была. На всякий случай отключив утюг, я вышла в коридор. Там, грозно размахивая кулаками в сторону двери Заславского, стоял режиссер Богомольцев.

— Собирай свои манатки и проваливай! — кричал он, обращаясь непосредственно к двери. Дверь многозначительно молчала.

Увидев меня, Богомольцев едва не задохнулся от ярости, гикнул и понесся вскачь к выходу. На мгновение в коридоре воцарилась зловещая тишина. Я испуганно прислушалась, не раздастся ли щелчок курка пистолета. Заславский грозился покончить жизнь самоубийством, если его выставят из театра. Мне было б его жаль.

Я постучалась к нему.

— Изыди, сатана!

— Это не сатана, Иван Сергеевич, это я, Катерина.

— Катерина? — трагически простонал актер. — Тогда входи!

Мужчины довольно непредсказуемые создания, я это знала. Но каждый раз сомневалась. Вот и уволенный Заславский представлялся мне стоящим у окна с приставленным к виску писто-

летом. Наяву он сидел в кресле и наливал себе водки в большой граненый стакан.

— Может быть, не надо? — тоскливо поинтересовалась я, собираясь начать успокаивать человека.

— Надо, Катя, надо, — тоном Гамлета произнес Заславский и поднес стакан ко рту.

И тут в дверь постучали.

Интеллигентно так постучали, можно сказать, что поскреблись. Мы с Иваном Сергеевичем напряглись. В нашем театре так никто не мог просить разрешения войти. Значит, гость был пришлый, не от мира сего и, чем черт не шутит, вполне возможно — поклонник Заславского. Давненько их не было у старого актера. В таком случае можно было привести Богомольцева и ткнуть поклонником в его наглую морду, указав, как народ любит и ценит Ивана Сергеевича.

— Все хорошо, прекрасная маркиза, — пропел Иван Сергеевич, подмигивая мне.

— Дела идут, и жизнь легка, — подпела ему я.

Мы переглянулись, и я толкнула дверь, открывая ее.

Каково же было мое удивление, когда на пороге показался сероглазый!

Неужели я обманулась насчет великих талантов Заславского?! Этот симпатичный пронизательный парень приходил на спектакли ради Ивана

Сергеевича?! Давно пора научиться разбираться в людях, мир на самом деле не так жесток...

— Добрый вечер, — сказал сероглазый и приподнял бровь, глядя на меня.

— И вам того же, — хмыкнула я, стараясь не волноваться.

Есть у меня такая глупая привычка. Если мужчина мне нравится, то я начинаю краснеть, бледнеть и даже дрожать. Но если мне все равно, какие у него глаза, то ничего подобного не происходит.

— Давыдов, — представился он, протягивая руку Заславскому.

— Заславский, — пожал ее тот.

— Очень приятно.

— Весьма признателен.

Мужчины, они такие... мужчины.

— Я хотел бы поговорить с вами на довольно щекотливую тему, — начал Давыдов и покоился на меня.

— Баронесса! Пошла вон!

Смотрели оперетту Иоганна Штрауса-сына про летучую мышь? Так вот эта фраза оттуда. И на этот раз она относилась непосредственно ко мне.

— Так нечестно, — заявила я упрямо. — Отсылать меня на самом интересном месте!

— Боюсь, — прищурился Давыдов, — вас мое предложение не заинтересует.

— А вы не бойтесь, — подсказала я ему, — говорите.

— Катерина! — повысил голос Заславский. — Я что сказал? Придешь позже.

Конечно, у меня было чувство гордости и все такое. А еще мне очень нравился Давыдов. Нет, не до такой степени, чтобы я увидела его и сразу безоглядно влюбилась. Но захотелось постоять рядом с ним подольше, вдыхая аромат парфюма для настоящих мужчин. Его еще рекламировали по всем телеканалам. Парфюм, конечно, рекламировали, а не Давыдова. Хотя я б на месте рекламщиков задумалась над этим вариантом.

— Позже это когда? — ненавязчиво, как мне показалось, спросила я.

— Когда мы завершим наш разговор, — вместо Заславского ответил Давыдов.

— Тогда одна нога там, другая здесь? — игриво попятилась я к двери.

— Обе — там, — рявкнул в нетерпении Заславский и выставил меня за дверь.

А я еще пришла ему посочувствовать!

Мир жесток и несправедлив. Особенно жестоки некоторые особи мужского пола, возомнившие себя непревзойденными красавцами! Нет, определенно в Давыдове что-то было, что цепляло и не отпускало, как липкая лента наивную муху.

Вот женский мир гораздо умнее и изворотливее мужского. Я громко для вида топотала,

показывая вид, что уйду навсегда, а сама тем временем припала к замочной скважине. Хорошо, что двери, как и сам театр, были старые и такие древние, что еще помнили Гражданскую войну. Воевать я не собиралась, без меня как-нибудь обойдутся, а вот послушать, о чем мужчины будут говорить, мне захотелось до умопомрачения. Когда меня одолевало любопытство, то я, как всякая нормальная девушка, теряла над собой контроль.

— Мое положение обяывает... ш-ш-ш-ш-ш...

— Мне нужно подумать... ш-ш-ш-ш-ш...

— Времени мало... ш-ш-ш-ш-ш...

— Пять минут... ш-ш-ш-ш-ш...

Шептуны, блин! Я досадовала, что половину услышать не смогла. А наверняка-то дело стоящее, иначе бы Заславский вообще не думал. Он и мозги — это разные категории человеческого бессознательного. М-да, иногда я могу завернуть такую заумную фразу, что сама ее не понимаю. Ну, в общем, вы меня поняли...

— ...ш-ш-ш тысяч...

— Хорошо! Я согласен! — внезапно прогремел голос Заславского. — Ваши доводы кажутся мне довольно убедительными.

На что он подписался?! Почему так быстро сдался? Сумма слишком велика? Ох, Иван Сергеевич, большие деньги приносят большие беды, вам ли этого не знать...